

Эта встреча с Юрием Васильевичем состоялась пять лет назад, в канун его предыдущего юбилея. Однако о ней, я считаю, сегодня обязательно надо рассказать.

Долг вёл по жизни

Итак, ростепельный сероватый день в середине февраля. То ли дождь, то ли снег с утра. Мокнут ели в подмосковном посёлке, который по привычке называется писательским, хотя писателей здесь уже почти не осталось. Неподдалёку от бондаревской дачи, я знаю, находится участок, где жила и покончила с собой в 1991-м фронтовая медсестра Юлия Друнина, выдохнувшая на прощание:

*Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!*

Сколько раз в наших разговорах с Юрием Васильевичем возвращались мы к этой трагедии, ставшей одной из знаковых для времени уничтожения Советской страны. . .

А ему дано вытерпеть, выдержать, выстоять. Не для того ли, чтобы уже после своих семидесяти в романе “Бермудский треугольник” и в повести “Без милосердия”, опубликованных “Нашем современником”, создать потрясающий образ проклятых девяностых, когда страна и люди ломались через колени, когда губилось всё лучшее, а зло торжествовало?

Девяносто лет. . . Большая жизнь большого писателя. По дороге к нему на сей раз я прикидывал, что родился он меньше чем через два месяца после кончины Ленина, то есть все последующие годы становления, защиты и величия Советского Союза стали частью его биографии. Долг перед родной страной вёл его по жизни, и он с чистой совестью может сказать, что от долга не уклонялся. Пароль верности и мужества – Сталинград – определит не только тему одного из самых сильных его произведений, но и в целом характер отношения к литературному труду как к главному делу жизни, неотделимому от интересов и забот Родины.

Если представить мысленно всё, что написано им, складывается впечатляющая панорама бытия страны за семь десятилетий. Своего рода художественная история в романах и повестях, где “Горячий снег” и “Последние залпы” сменяются “Тишиной”, а затем наступают “Берег” и “Выбор”, влекущие

за собой “Игру”, “Искушение” и, наконец, трагический “Бермудский треугольник”...

Творчество его, как и жизнь, хронологически делится надвое – советский период и время уничтожения всего советского. При этом не отпускают писателя с невероятной остротой стоящие вопросы: что же с нами произошло, что происходит? Он даже напрямую выносил их в заголовки своих публицистических статей, и ни одна беседа наша так или иначе без обращения к роковым вопросам о судьбе страны и народа не обходилась.

... Вот о чём думал я, подъезжая к даче, где они с женой ныне живут круглый год. Встречают радушно оба. Он подтянутый и энергичный, как всегда: день по-прежнему начинается с зарядки. А Валентина Никитична, подруга его верная на всю жизнь, сразу же старается создать самые благоприятные условия для делового нашего разговора. Который, замечу, начинается почти с порога.

Предательству нет оправданий

Да, я спрашиваю, смотрел ли он по телеканалу “Россия-1” фильм “Биохимия предательства”, показанный вечером накануне. Оказывается, смотрел.

– *И какое впечатление?*

– Двойственное. С одной стороны, конечно, хорошо, что телевидение показывает фильм о Власове и власовщине отнюдь не в однозначно позитивных тонах, как было по существу всю последнюю четверть века, когда апология предательства стала чуть ли не нормой в нашем обществе. А с другой... Знаете, не хватало мне чёткости и резкости в оценке этой фигуры. Если хотите, не хватало мужских интонаций, настоящего гнева! Когда возникает и маячит на экране лицо предателя, изменника, причём явного, которому нет и не может быть оправданий, разговор о нём следует вести предельно жёстко. Это было в комментариях Юрия Жукова, которые мне понравились. Но тут же авторы начинают как бы микшировать, смягчать эту определённую, размывая её некоей полифонией на манер горбачёвского “плюрализма”.

И появляются серьёзные сомнения: осуждение ли возьмёт верх в сознании зрителей, особенно молодых, или, может быть, оправдание? Как же, боролся-то, видите ли, против тоталитаризма, большевизма, за “новую Россию”!

Между тем, это лишь прикрытие обыкновенного шкурничества. Достаточно вспомнить, с какими словами он сдавался в плен: “Не стреляйте, я генерал Власов”.

– *Хотя, наверное, стоило бы застрелиться...*

– *Что вы!* Для шкурника, думающего только о себе, это немислимо. С психологией предательства такое несовместимо: у изменника гниющее нутро. И надо беспощадно вскрывать эту психологию, которая ничего, кроме презрения, у меня не вызывает.

Фигура, о которой мы говорим, всегда была до крайности мне отвратительна. Даже физиономию его, которую впервые увидел в листовках, призывающих нас в рай немецкого плена. А позднее я специально занимался этой историей, когда писал “Горячий снег”. Дело в том, что сын генерала, героя моего, оказался в армии, которой командовал Власов, и я даже написал на эту тему целую главу. Но по совету Твардовского потом изъязл её.

– *Твардовский читал рукопись?*

– Он почти всё моё читал.

– *А почему дал такой совет?*

– Глава, по его мнению, уведила от основной темы, и я с ним согласился.

– *Но давайте, Юрий Васильевич, вернёмся к телефильму. Согласитесь, он ведь не только о Власове. Связанные с Власовым события становятся поводом, чтобы обратиться ко времени, гораздо более близкому нам. И тогда появляется физиономия генерала КГБ Калугина, мелькает на экране (правда, только мелькает!) даже сам Горбачёв, а в речах сегодняшних российских “философов” начинают звучать рассуждения, что лучше бы поскорее разделить Россию на части, и пусть Владимирское, Московское и прочие княжества, каждое само по себе, решают, скажем, проблему миграции...*

– Сумасшествию нет предела! Потому что стихия предательства, которая обрела своеобразную легитимность и для которой во время “перестройки” и “реформ” были широко открыты все шлюзы, разлилась чрезвычайно широко.

Посмотрите, что творится сегодня на Украине! Так что реабилитация власовцев, бардеровцев, дивизии СС “Галичина” и т. п. — это узакониваемая дорога к дальнейшей перекройке мира по американским, западным лекалам и к дальнейшему упрочению несправедливости в нашей стране.

Можем ли мы жить без справедливости?

Я слушаю его и думаю, насколько тяжело ему говорить сейчас обо всём этом. Ведь Украину он освобождал от фашистов, а теперь они заправляют там снова. Во время войны, на фронте, он стал коммунистом, а ныне коммунистическую идеологию и символику где-то уже запретили, а где-то готовы запретить, и один за другим сносят памятники советской эпохи.

Да, теперь “где-то” — на Украине, в Прибалтике и так далее. Но начиналось-то всё у нас во время горбачёвской “перестройки” предательской “пятой колонной”, о которой не может офицер Красной армии Юрий Бондарев говорить спокойно, ибо видит в ней — не без оснований! — ударную силу врагов нашей Родины. Это она утверждала в массовом сознании, что Сталин хуже Гитлера, а советский социализм хуже гитлеризма. Значит, и не было никакой Великой Победы. А уж всяческие “подробности”, вроде многократно увеличенных наших воинских потерь, чтобы доказать “преступное” неумение советского руководства и командования вести войну, стали прямо-таки обиходными.

— Сейчас, — говорю я Юрию Васильевичу, — подняли шум вокруг телеканала “Дождь”, где в связи с 70-летием освобождения Ленинграда от блокады поставили перед зрителями вопрос: а может быть, лучше было сдать Ленинград? Шум явно запоздалый и “показушный”. Ибо первым даже не вопрос поставил, а прямо заявил, что Ленинград надо был сдать, не кто-нибудь, а участник войны, ваш коллега и, кажется, ровесник Виктор Астафьев. Так ведь?

— Верно, Астафьев. Примкнувший к “пятой колонне”. А Гранин, тоже участник войны, написал: “Русские были плохие солдаты”. Да как же можно так обобщать? На каком основании?!

Дальше Юрий Васильевич вспоминает солдат, с которыми ему довелось в боях быть бок о бок: “Ребята воевали прекрасно!” Размышляет о том, какую роль сыграла советская школа в подготовке этих “ребят” — их образованности и убеждённости. Напоминает, что про советских генералов и маршалов за последние годы тоже написана масса неправды, а вот немецкие генералы в своих мемуарах во многом признали их превосходство...

И тут мы подходим, пожалуй, к самому главному, корневому: а для чего всё-таки велась и так усиленно ведётся фальсификация истории той войны и в целом советского периода нашей жизни? Не для окончательного ли утверждения нынешней несправедливости в стране? Напоминаю своему собеседнику:

— Вот нынче говорят так: да, дескать, воевали люди за Родину. Но — не за Советскую Родину. То есть налицо стремление противопоставить Родину и Советскую власть, народ и коммунистов. Как будто это какие-то противоположные, даже враждебные явления. Но разве во время войны господствовало именно такое отношение? Понятно, люди разные, миллионы людей, и у кого-то в мыслях так было. А всё же что, по вашему восприятию, преобладало тогда?

— Вы сказали: говорят. А кто говорит-то? Та же самая “пятая колонна”. Если бы на самом деле было так, как они сейчас пытаются представлять, ни в коем случае не одержали бы мы величайшую нашу Победу. Всё, что сделано было перед войной, и не только в материальном смысле, а и в духовном, в воспитании нашего поколения, помогло нам прийти к Победе.

— Ваше поколение по праву называется великим. Поколение Зои Космодемьянской, Александра Матросова...

— Силу давало нам сознание того, что отстаиваем самую справедливую страну на земле.

— А теперь извращают всё в головах молодых, вдалбливают им ложь об отечественной истории с главной целью — очернить попытку более справедливого устройства жизни, без олигархов и нищих, где владыкой на самом деле является труд. Чтобы ни в какой мере не вернулось это, а несправедливость упрочилась навечно.

— Вы очень точно сказали. Но более двадцати лет, которые уже пришлось нам прожить по законам несправедливости, ничего хорошего ведь не дали нашей стране. Может быть, обманутый народ всё-таки задумается? Куда ни кинь

глаз, везде мы потеряли, а не нашли. Везде падение – в промышленности, сельском хозяйстве, в науке и культуре. . .

За культуру душа особенно болит

Об этом он говорит больше всего и даже вручает мне статью, специально написанную для “Правды”: с острой болью и тревогой за состояние и будущее нашей культуры (опубликована в номере от 7–12 марта 2014 года).

Действительно, огромное культурное падение в России очевидно. И произошло оно не само собой, а в результате целенаправленных усилий, определённой политики. Непременной частью этой политики и этих усилий стало, как и во всём, принижение, очернение, уничтожение достижений советской эпохи. Нет, конечно же, для них не эпохи, а “совка” – так презрительно они выражаются. . .

Вспомните программную статью “Поминки по советской литературе”. Поминки провозглашались не только за ненадобностью этой литературы, но и по причине якобы её ничтожности. Однако в результате “смены ценностей” именно ничтожества вышли на первый план! Так, автор этой статьи, известный своим скандальным полупорнографическим “романом”, становится видной фигурой “элиты”, ведущим программы на телеканале “Культура”, а советская литература вместе с выдающимися её мастерами оказывается в положение изгоя.

В таком положении – изгоя – оказывается на всю эту четверть века великий советский писатель, наш современник-классик Юрий Васильевич Бондарев. Невыносимо было читать во время “перестройки” тот вал хулы, который обрушился на него со страниц короточевского “Огонька” и прочих подобных изданий. Ничтожества, мелкие завистники, злобные антисоветчики, получив возможность, как шакалы, бросились с лютой ненавистью сводить с ним счёты.

А потом зловещим Александром Яковлевым было дано всем подведомственным СМИ указание, равно относившееся и к Юрию Бондареву, и к “Нашему современнику”, и к “Правде”: “Не надо ничего писать и говорить о них – и они тогда перестанут существовать”.

Каково годами пребывать в удушающем вакууме, который изо всех сил создаётся вокруг тебя? Для Бондарева закрыт экран телевидения. Его не включают в состав делегаций, представляющих российскую литературу за рубежом. Ему не присуждают государственных премий, а новые его книги, которые выходят, окружаются заговором молчания. Наконец, знаменитый Швыдкой, рулящий культурой, в правительственной (!) “Российской газете” объявляет Бондарева. . . “нерукопожатным”. Как “сталиниста”. Но! На телеэкране вынуждены (рейтинговые соображения) показывать фильмы, снятые в советское время по его романам и сценариям. Сами эти романы и другие произведения живого классика предприниматели-коммерсанты повсюду начали переиздавать, потому что они пользуются неизменным спросом, и уже вышло после 1991-го не одно собрание его сочинений. А когда в 1999 году на страницах журнала “Наш современник” и затем отдельным изданием появился “Бермудский треугольник”, который я считаю сильнейшим романом о времени этого ужасающего безвременья, несмотря на заговор молчания вокруг, читатели нашли его, выделили, откликнулись.

Сейчас вместе с автором вспоминаю я, сколько писем со всей страны сразу же получили “Наш современник” и “Правда” об этой новой работе крупнейшего писателя. Однако вспоминаю и другое. Несколько раньше, в начале декабря 1996-го, когда исполнилось 100 лет со дня рождения великого советского полководца Георгия Жукова, проводилось соответствующее “мероприятие”. Но кто были главными на сцене? Чубайс и Черномырдин! Издевательство, да и только. Я подумал тогда: вот же есть выдающийся писатель военной темы, участник Великой Отечественной войны, фронтовик, сталинградец. Не ему ли быть здесь вместо позорного Чубайса?

– Может, всё-таки вас приглашали? – спрашиваю.

– Что вы! Не удостоен.

– А скажите, Юрий Васильевич, вот недавно вышел фильм Бондарчука-младшего “Сталинград”. Показали вам его предварительно? Спросили ваше мнение, посоветовались?

– Нет. Да я его и не видел до сих пор: не сочли нужным мне показать. И, конечно, никто ни о чём не спрашивал.

Задам вопрос читателям: вас не поражает это? Меня – очень. Невольно возникла ассоциация из советского времени: великий Сергей Бондарчук ставит

“Судьбу человека” и “Они сражались за Родину” по Михаилу Шолохову. Советы с писателем при работе над сценариями, при подборе актёров, в ходе съёмки... И первый показ законченной ленты – в Вёшенской.

Почему же в данном случае такое игнорирование одного из лучших знаменитостей сталинградской темы? Будто уже и нет его на свете. Впрочем, разный подход к работе – разный и результат. Фильмы Сергея Бондарчука и Бондарчука Фёдора отличаются, как небо от земли. Вот вам для сравнения кино советское и “новорооссийское”. Между тем, напомним, травили Бондарчука-старшего так же, как Бондарева. Одновременно. Да и за то же самое, по сути: за талант и принципиально советскую гражданскую позицию, за необоримость духа и совести.

А гениальный Шолохов?

Ему советской позиции не прощают и поныне. Когда мы разговаривали с Юрием Васильевичем (о любимейшем Шолохове не могли не говорить), приближалось тридцатилетие кончины мирового русского классика.

– Вот посмотрим, – сказал я, – как телевидение отметит эту дату.

Что ж, посмотрели: никак! Ни на одном канале – даже на “Культуре”. Газеты в абсолютном большинстве такую дату тоже замолчали. А при закрытии сочинской Олимпиады, показывая в художественном представлении писателей, составивших гордость отечественной культуры, Шолохова вообще исключили! Зато не обошлись без Солженицына – идейного антипода Шолохова и Бондарева.

Согласитесь, всё это выразительные свидетельства того, какова нынешняя культурная политика. В чём-то весьма существенном она, увы, не меняется. С трудом поворачивается у них язык говорить что-либо доброе о великой советской культуре, литературе, о великих советских творцах. Об антисоветских – пожалуйста.

Но мой собеседник вспоминает, с каким интересом относился к советским писателям и их книгам выдающийся американец Джон Стейнбек, с которым довелось ему, Бондареву, “выпить не одну рюмку чая”. И вдова другого выдающегося американца – Хемингуэя – немало рассказывала ему, как высоко ценил советскую литературу её муж.

Здесь кстати заметить, что книги самого Бондарева переведены более чем на 85 языков мира. Переведены и продолжают переводиться. Разве не говорит это о масштабе писателя?

Работать, работать!

– Юрий Васильевич, а чем вы заняты сейчас?

– Готовлю полное собрание сочинений. Уже давно. Работаю над текстами, зарываюсь в архивы. Тяжелее, скажу вам, дело! Мне даже ночами снятся иногда эти тексты, хотя ночью лучше бы спать...

Знаю, что труженик он необыкновенный. До обеда стараюсь ему никогда не звонить: заветное это время – за письменным столом.

– А потом-то хоть отдыхает? – выведываю у Валентины Никитичны, его супруги.

– Борюсь с ним. Хитрит. Прикинется, будто прилёт, а загляну – опять сидит над бумагами.

– Каждому писателю такую бы заботливую жену, – говорю совершенно искренне. Он не возражает. Зовёт её с нежностью: мама, мамочка. Но оторваться от каких-то своих мыслей, замечаю, не может вполне даже в эти минуты, когда мы пьём чай и разговор переходит постепенно на бытовые мелочи.

Там, на письменном столе, остались аккуратно разложенные папки, книги, листы бумаги, исписанные и исчёрканные его рукой. Я уеду, а он, наверное, поспешит вернуться к ним. Вечером же по давней традиции будет размеренно шагать под тёмным небом, а если вдруг появятся звёзды – подолгу смотреть на них. Когда-то говорил мне, что творчески часы таких прогулок для него самые плодотворные.

В последние годы он вынужден был пережить немало горького и тяжкого. Иногда, видя это, хотелось вслух посочувствовать ему, однако “сантиментов” по отношению к себе он категорически не приемлет.

Потому и сейчас, перед очередным юбилеем вашим, дорогой Юрий Васильевич, я просто обнимаю вас по-солдатски крепко и желаю здоровья. Во время той нашей встречи вы опять повторили, что для исполнения задуманного вам необходимо одно – здоровье. Да будет оно у вас!